

УЧЕНИЧЕСКІЕ ГОДЫ ГОГОЛЯ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ

В. П. Авенаріуса.

I. Гоголь-гимназистъ.

II. Гоголь-студентъ.

III. Школа жизни великаго юмориста.

Avenarius, V. P.

Историческая и гоголевская.

ГОГОЛЬ-СТУДЕНТЪ.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Съ 12 портретами и видами — фототипіями и автотипіями
Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова, Лештуковъ пер., д. 2.
1898.

6489034X

~~XN81
24475
MAIN~~

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 сентября 1897 года.

Николай Васильевичъ
ГОГОЛЬ.

117677

PZ63
A78
1897
v. 2
MAIN

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стрн.
Нѣсколько словъ, вмѣсто предисловія, о значеніи біографическихъ повѣстей.	7
Глава I. Плющъ и дубокъ	9
» II. Какъ дебютировалъ новый глава дома	23
» III. Экскурсія въ Константинополь	40
» IV. Какъ спасся Базили.	54
» V. Казусъ Базили-Андрущенко	69
» VI. Нѣжинская муза пробуждается	80
» VII. Библіотекаръ и альманашникъ	94
» VIII. Расцвѣтъ и разгромъ эрмитажа	105
» IX. Юпитеръ плачетъ	120
» X. Этнографическій блинъ и послѣдніе пе- руны Громовержца	133
» XI. Deus ex machina	148
» XII. «Нынѣ отпускаеши раба Твоего...».	161
» XIII. Тѣнь Пушкина тревожитъ нѣжинскихъ парнасцевъ	169
» XIV. Захандрилъ	185
» XV. Около сцены, на сценѣ и за кулисами	198
» XVI. Переигралъ	210
» XVII. Нашествіе готовъ.	217
» XVIII. Нашествіе гунновъ	225
» XIX. Куколка начинаетъ превращаться въ мо- тылька	232
» XX. Застольные разговоры	244
» XXI. Опять этнографія	252
» XXII. Двѣ будущія знаменитости инкогнито ближе знакомятся другъ съ другомъ	266
» XXIII. Дядя Петръ Петровичъ.	275

	Стр.
Глава XXIV. Въ лѣтней резиденци «кибинскаго царька»	284
» XXV. «Таинственный Карло» оправдываетъ свое прозвище.	299
» XXVI. Прощай, Нѣжинъ!	316
» XXVII. На отлетѣ изъ родногo гнѣзда.	322

Портреты и виды.

1. Портретъ Н. В. Гоголя	1
2. Церковь въ с. Васильевкѣ	12
3. Портретъ М. И. Гоголь	22
4. » К. М. Базили	54
5. » Н. В. Кукольника	80
6. » П. Г. Рѣдкина.	112
7. » Графа А. Г. Кушелева-Безбородко	149
8. » А. С. Пушкина	172
9. » А. П. Стороженко	240
10. Домъ Д. П. Трошинскаго въ Ярескахъ.	284
11. Историко-филологическiй институтъ князя Безбо- родко въ г. Нѣжинѣ	321
12. Памятникъ Гоголя въ г. Нѣжинѣ.	334

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ, ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ, о значеніи біографическихъ повѣстей.

Зачѣмъ писать біографіи великихъ людей въ беллетристической формѣ, которая не можетъ не возбуждать сомнѣній въ достовѣрности разсказаннаго? Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, авторъ узнать во всей подробности, чуть не изо дня въ день, жизнь дѣйствующихъ въ его разсказѣ лицъ, записать даже ихъ разговоры, происходившіе тогда, когда и самого-то его еще на свѣтѣ не было?

Такой вопросъ, который иной разъ случается слышать, основанъ на явномъ недоразумѣніи. Вѣдь чтò такое въ сущности тѣ «подлинныя» разговоры, которые мы встрѣчаемъ не только въ разныхъ письменныхъ «воспоминаніяхъ», но и въ «настоящихъ» біографіяхъ? Слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь. Фонографъ до сихъ поръ не служилъ еще для увѣковѣченія «подлинныхъ» словъ знаменитыхъ людей; стенографія примѣняется покамѣстъ только въ парламентахъ и судахъ. Мыслимо ли поэтому, чтобы даже самый добросовѣстный біографъ все, чтò онъ лично слышалъ, могъ передать потомъ дословно? Заботится онъ, конечно, лишь о томъ, чтобы сохранить общій смыслъ слышаннаго и наиболѣе характерныя фразы и выраженія.

Беллетристъ-біографъ же связываетъ между собою всѣ эти «достоверные» разговоры, всѣ отрывочныя, крупныя и мелкія событія изъ жизни описываемаго имъ лица, иногда мимолетныя лишь, но драгоценныя для психолога-художника штрихи и намеки и, читая такъ-сказать между строкъ недосказанное, то, что можетъ-быть и не было, но *могло быть*, вдыхаетъ жизнь въ мертвый матеріалъ. Такъ какъ все существенное при этомъ возможно согласуется съ дѣйствительностью и вымыселъ подчиняется правдѣ, то въ такомъ «вымышленномъ» разказѣ, проникнутомъ одушевленіемъ и живымъ сочувствіемъ разказчика къ описываемому лицу, лицо это является читателю гораздо ярче, цѣльнѣе да, пожалуй, въ общемъ и вѣрнѣе, чѣмъ въ «достоверномъ», но сухомъ изложеніи ученаго біографа. Самое же крупное преимущество біографической повѣсти передъ біографіей для молодыхъ читателей безспорно въ томъ, что для огромнаго большинства ихъ повѣствовательная форма несравненно доступнѣе, и безъ нея очень многимъ изъ нихъ осталась бы навсегда неизвѣстною жизнь тѣхъ или другихъ великихъ людей, съ которою ознакомиться должно быть желательно всякому образованному человѣку.

Спб., сентябрь 1897.

В. А.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Плющъ и дубокъ.

нъ катиль домой на вакаціи—уже не гимназистомъ, какъ бывало до сихъ поръ, а студентомъ — хотя и той-же все нѣжинской «гимназіи высшихъ наукъ»; т.-е. съ трехлѣтнимъ, въ заключеніе, университетскимъ курсомъ.

Снова раскинулась передъ нимъ родная украинская степь, на всемъ неоглядномъ пространствѣ серебристаго ковыля такъ и пестрѣя полевыми цвѣтами всѣхъ красокъ и оттѣнковъ, такъ и обдавая его ихъ смѣшаннымъ ароматомъ, такъ и трепеща передъ глазами, звеня въ ухахъ взвизывающимися по сторонамъ коляски кузнечиками—бирюзовыми, сѣрыми и алыми.

Снова выросъ передъ нимъ родной хуторъ съ бѣлою церковью, съ привѣтно-манящими изъ-за кудрявой зелени красными кровлями и бѣлыми

трубами; замелькала новая ограда, раскрылся широкий дворъ, въ который изъ-за окружающих построекъ отовсюду врывается зеленое царство; снова Дорогой и Сюська, какъ шальные, несутся къ нему навстрѣчу съ бѣшенымъ лаемъ, и первый изъ нихъ—датскій догъ—норовитъ лизнуть его въ губы, а на крылечкѣ, еще болѣе покосившемся, ждуть его, какъ бывало, маменька, сестрички, старушка-няня...

Все то-же—да не то. И степь, и хуторъ, и близкія ему существа на крыльцѣ—все подернуто какою-то сѣрою дымкой, словно наступило солнечное затменіе. Да, солнце ихъ затмилось—и навсегда.

Мать рада, понятно, возвратившемуся сыну, очень рада; но радость это не бодрая и ясная, какъ прежде, а нервная, истерическая, затуманенная горячими слезами.

— Миленькій ты мой, безцѣнный, единственный! Нѣтъ его уже, нѣтъ кормильца! Что-то станетъ съ нами?

— Надо покориться, маменька: воля Божья. Вы только не волнуйтесь такъ ужасно: на вась лица нѣтъ, глаза распухли...

— Диво еще, родимый, что въ конецъ ихъ не выплакала! На немъ вѣдь весь домъ держался. А теперь въ семьѣ ни единого мужчины...

— Вы забываете меня, маменька.

— Тебя, Никоша?! У тебя, голубчикъ, и борода-то едва пробивается.

— Дѣло не въ бородѣ, маменька, а въ зрѣ-

лости. Мнѣ въ мартѣ 17-й уже годъ пошелъ, я—студентъ и могу, надѣюсь, помочь вамъ тоже кое-какими добрыми совѣтами въ хозяйствѣ.

— А ужъ какъ-то мнѣ ихъ нужно, ой, какъ нужно! При папенькѣ я ни во что не входила; они съ приказчикомъ все безъ меня рѣшали. А теперь изволь-ка самой рѣшать; вѣдь на Левкѣ-то положиться, самъ знаешь, каково: себѣ на умѣ, плутъ изрядный.

— Такъ вы бы его смѣнили.

— А коли другой попадется того хуже? Этому-то хоть хозяйство все по пальцамъ знаетъ.

— Такъ я съ нимъ серьезно поговорю.

— Поговори, милый, поговори. Послѣ папеньки ты у насъ все-таки глава дома. Охъ-охъ-охъ, Василий Аванасьевичъ! на что ты насъ, сиротъ, покинулъ...

— Ну, полноте, голубочко матусенька, не плачьте!

— Не могу, родной мой: въ слезахъ мнѣ одна отрада, особливо на его могилѣ. И тебѣ, Николенька, надо будетъ уже помолиться надъ прахомъ незабвеннаго родителя.

— Непремѣнно; сейчасъ какъ только передѣнусь съ дороги.

— Иди, миленькій, иди; а я тѣмъ часомъ распоряджусь на кухнѣ, чтобы прежде накормить тебя.

И вотъ онъ переодѣтъ, накормленъ и, рядомъ съ матерью, преклонилъ колѣни надъ отцовскою могилой. Погребенъ покойный въ фамильномъ

склепѣ около самой церкви; но надъ мѣстомъ его вѣчнаго упокоенія цвѣтутъ уже алыя розы, небесно-голубыя незабудки, а вѣрная ему до гроба спутница жизни окропляетъ и розы и незабудки неутѣшными вдовьими слезами.

— Охъ, мамо, мамо! вы просто изведете себя,— говорилъ сынъ, украдкой самъ утирая себѣ глаза.— Присядьте-ка тутъ и расскажите: какъ вы узнали о его смерти? Это немножко хотъ облегчитъ вамъ наболѣвшее сердце.

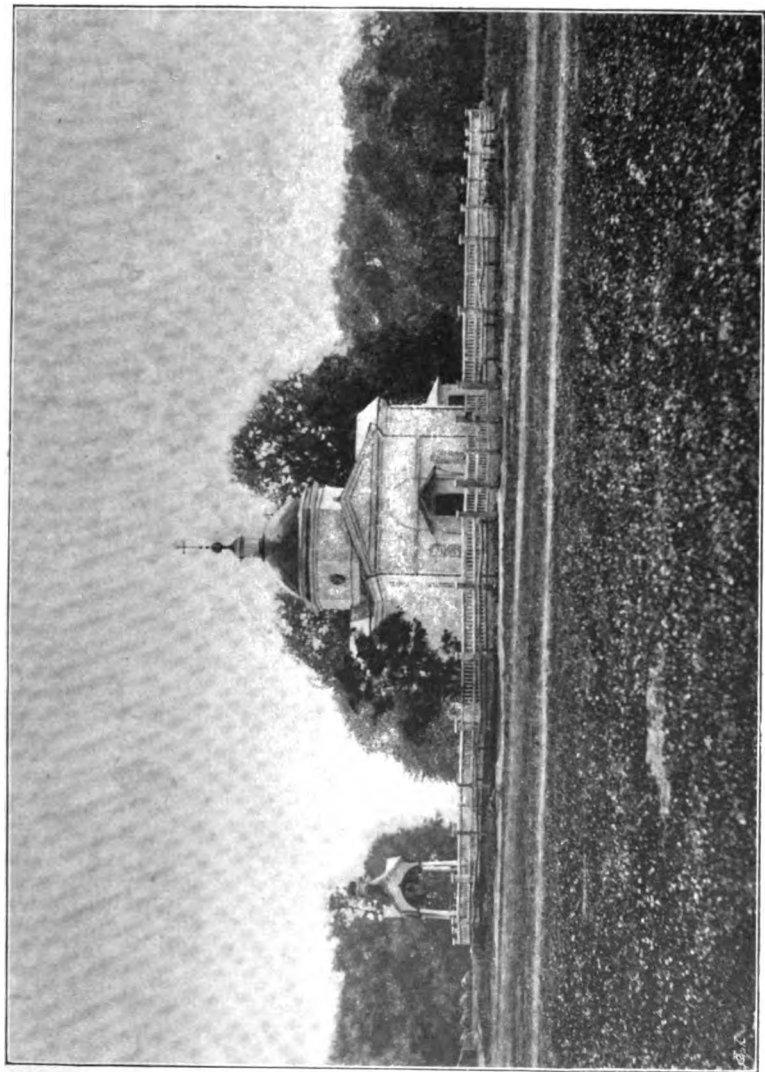
— Какъ узнала?— всхлипнула Марья Ивановна, послушно опускаясь на край могилы.— Ахъ ты, хорошій мой! Было то на второй недѣлѣ послѣ того, какъ далъ Богъ намъ еще дочку, а тебѣ сестричку. Я все поджидала папеньку: не вернется-ль скорѣе, чтобъ при себѣ окрестить малютку. Анъ, замѣсто него пріѣзжаетъ вдругъ г-жа Голованева, жена доктора, что лѣчилъ его въ Лубнахъ: очень-де желательно больному меня видѣть. Меня такъ и сразило: «ну, значить, ему гораздо хуже, коли вызываетъ меня къ себѣ еще больную».

— И вы, больная, собралися?

— А то какъ-же? Вмѣстѣ съ Голованевой; но лишь только мы за ворота, глядь: навстрѣчу верховой. Что такое? «Да вотъ письмо докторшѣ». Взяла та письмо, развернула—вся такъ и вспыхнула. «Вороти мся», говоритъ: «Василій Аѳанасевичъ самъ скоро будетъ.» Господи помилуй! что случилось тутъ со мною...

Голосъ несчастной вдовы оборвался.

— И потомъ привезли его тѣло?

Црковъ въ Васильевцѣ.

